
Нелль Лефевар□

Спираль□

Последнее изменение: 12 февраля 2018□

(с) Все права на эту работу принадлежат автору□

□□□□□□□□
□□□□□□□□****

Я помню тот день, когда ее не стало. Тогда я был рядом, но ничего не сделал. Испугался? Не хотел помочь? Не знаю. Сейчас я уже ни в чем не уверен. Тогда пол станции залило кровью. Это были самые страшные мгновения в моей жизни.

Она заходила в вагон в привычной Московской утренней давке. Я видел, как ее руку зажало дверьми, а затем поезд резко тронулся. Люди стояли молча, так, будто ничего и не происходит. Будто каждый день в восемь часов утра на этой треклятой станции погибают люди.

Ей просто оторвало руку. Поезд уехал в тоннель, а она все стояла и глупо смотрела на то, как из развороченного плечевого сустава порциями льется кровь.

Врачи сказали, что она была мертва уже тогда. Шоковое состояние заставило мышцы напрячься. Потому она и не упала.

Диагноз: «Самоубийство».

Неужели людям настолько все равно?

14 апреля 2018.

Я работаю в частном детективном агентстве уже более года, мне двадцать восемь лет и мой начальник зовет меня «сосунок». Да, чисто теоретически есть за что, но бьюсь об заклад, что он просто завидует.

- Заруби себе на носу, Зарубин, - трясется от смеха как кусок холодца на тарелке вышеупомянутый «Босс». - Девятое убийство на Авиамоторной. Людей убивают в один и тот же день, каждую неделю. В пятницу. Интересно, почему полиция все еще не заинтересовалась этим делом?

Мой начальник порядочная скотина, похож на отъевшуюся свинью, которую давно пора отправить на мясо, имеет отвратительную привычку. При разговоре с ним всегда остаешься оплеванным. В прямом смысле этого слова.

Капельки слюны брызгают мне на лицо и свитер каждый раз, когда из его рта вылетает шипящее созвучие.

- Я вижу в этом динамику, мистер Барнс, - да, совсем забыл сказать - он американец. - Но никто еще не обратился к нам за помощью, никто не бьет кулаком о стол и не приказывает расследовать это «дело». Возможно, что мы не правы и это очень подозрительное совпадение.

- Забудь слово «возможно», сосунок, - прозрачная капелька шлепается мне на руку. Я непроизвольно закрываю глаза, чтобы не дай Бог выдать свое раздражение. - В нашей профессии его нет. Все равно сидишь без дела. Вот я его тебе сейчас и дам. У тебя есть неделя до следующей пятницы, чтобы разобраться со всей ситуацией. Мне нужен отчет, Зарубин.

Я молча киваю и покидаю кабинет. Ему нужен отчет. А мне нужно действие. А действие, как известно, рождает противодействие.

А потому, когда я спустился в метро и благополучно доехал до станции Авиамоторная, чтобы расспросить полицейских о сегодняшнем «самоубийстве», меня развернули, посадили обратно в поезд и заставили уехать на Площадь Ильича, дабы не мешать «процессу».

Какой у них там к черту процесс? Кровь со стен отскребать, да в мертвом теле ковыряться?

Пока еду домой открываю свежие новости. Телефон голосом женщины с телеканала Россия 1 начинает вещать мне о том, что в этот раз жертва все-таки выжила. Ей оказалась семидесятилетняя полуслепая пенсионерка, которой прищемило ногу. Чудом женщина осталась жива, тараторила ведущая, буквально на одном дыхании выплевывая слова в камеру, единственно что - без ноги.

Между моих бровей пролегает складка. Раньше Они никогда не выживали. Что-то явно

пошло не так.

Дом встречает меня тишиной. Все еще непривычной, давящей на сознание, звенящей в ушах.

Через пару минут вскипает чайник. Настенные часы показывают девять вечера.

Звонок в дверь.

Пунктуален как всегда.

Уволенный полковник полиции, облысевший, полный мужчина в годах, Павел Семенович Полетайкин, отец моей погибшей девушки. Он спивается. Спивается с горя, на моих глазах, при мне, вместе со мной.

Его отправили в отставку через два дня после гибели дочери. Он пытался доказать, что это никакое не самоубийство, а вполне умышленное убийство. Он так ярко, с пеной у рта отстаивал у своего начальника «дело о покушении на жизнь дочери», что в итоге вышел из кабинета с бумажкой об увольнении.

И вот теперь, каждый вечер он приходит ко мне «накатить». Со своей, с «белой царской».

Он садится у окна, ставя полиэтиленовый пакет на стол, по традиции спрашивает «будешь?», в этот раз я мотаю головой. Нет, не хочу.

Полетайкин пожимает плечами, берет приготовленный мною стакан, открывает крышку, наливает водку и несколько минут молчит, вертя стакан в руках, смотря опухшими глазами на блики, мерцающие на его граненой поверхности.

Я молча сижу напротив.

- Вот так вот и случается, - начинает Семенович, поднимая на меня глаза. - Ты не ценишь их когда они у тебя есть. Вечные раздражители, которые постоянно рядом, суют свои носы не в свои дела. Проклинаешь их последними словами. А когда они уходят, - он делает паузу. «Белая» выливается из стакана в рот полковнику с характерным «хлоп». - Понимаешь, что жизнь становится пустой. Я хреновый отец и муж, Вадик, не смог защитить их, когда они в этом нуждались, - «хлоп». - Маринка моя умерла на операционном столе. Я не смог ей ничем помочь, да и не жалел тогда, была у меня баба уже другая, красивая. Потом Олеська в этой злосчастной катастрофе. Самоубийство, тьфу. Козлы, - «хлоп». - Больше у меня никого и не осталось. Мы с тобой с одним горем живем. Две смерти на наших с тобой плечах, две обузы до самого гроба, Вадька. Как жить -то с ними? Как? - «хлоп».

Четыре стакана водки и бутылка пуста.

Он уходит так же тихо как и пришел, не прощаясь, надеется, что может прийти завтра. Увы, но «завтра» не будет.

Ему кажется, что эти минутные посиделки с водкой помогают жить.

Нет. Это как дымовая завеса, что застилает глаза. Обертка, в которую завернута пустота.

Да. Я тоже живу с этим чувством уже как два года, только вот не спиваюсь. У меня

немного другие мотивы, немного другие действия. Павел Семенович тихо, очень мирно убивает себя сам. Я на такое не согласен.

Нет. Только не так. Я буду жить столько, сколько захочу, умру тогда, когда это нужно будет мне, когда мне собственная смерть станет выгодна.

Да. За одну смерть нужно платить десятками, сотнями, миллионами. Поэтому люди и умирают. Круговорот смертей в природе, потому что другим надо жить. Иначе дисбаланс, хаос и вся та же жалкая смерть, только уже в другом амплуа. Их она очень любит менять.

И смерти как никому другому нужны знающие союзники, ей нужен страх, боль, моральные истязания, самоубийства в Московском метро, теракты в Европе, войны, болезни.

Все это человек навешивает на себя сам. Он жаждет умереть. Он ее лучший союзник.

Если бы не было смерти, было бы очень скучно. Мы бы не испытывали эмоций, мы бы не стремились жить. Мы бы не понимали что это такое.

Смерть – это великое дарование.

15 апреля 2018.

«ЖЕРТВА СЛУЧАЯ СКОНЧАЛАСЬ В РАЙОННОЙ БОЛЬНИЦЕ».

На моих губах расцветает улыбка. Девять.

16 апреля 2018.

Это воскресное утро стало роковым для всей России.

По всем новостным каналам трубили о гениальном маньяке, который, не замарав руки убийствами – убивал людей.

У молодого человека были на то свои мотивы.

В двадцать два года он потерял мать. Женщину прирезали в собственном подъезде, а районная полиция дела заводить не стала. Лишняя шумиха, разводил руками полковник, когда убитый горем парень молил его о помощи. Записали - «самоубийство».

Тогда в нем и вскипела эта невероятная злость, ненависть и обида, которая потом также внезапно утихла, а вместо нее голову заполнили мысли, которые никогда более не смогли ее покинуть.

Два года он вынашивал план мести, собирал союзников для своего кровавого дела, проповедуя, что смерть – это самый щедрый подарок Бога.

За эти два года он влюбился. Искренне полюбил, только вот поздно. Прогнившее сердце давно избрало Оксану Полетайкину первой жертвой гнусного плана и даже воспетая в песнях любовь не смогла ей помочь.

Авиамоторная. Станция, известная мясорубкой на эскалаторе. Давно уже ходят байки о злых духах, да не упокоившихся душах погибших. Сложно привязать убийства к неисправности поездов. Но он оставил Им зацепку. Выбрал день. Пятницу.

Его союзники работали в депо, у пульта и на станции. Трое человек, что решали, кому жить, а кому умереть.

Каждую пятницу, в семь утра по Московскому времени на станции Авиамоторная, у поезда заедало двери, отказывали тормоза и как следствие – гибли люди.

Девять жертв. Десять смертей.

Он распял себя под потолком в четыре часа утра в воскресенье, его помощник на станции был один, свидетелей не было.

Предсмертная записка – собственной кровью на полу. Сухая и безжизненная, кого он убил и для чего. Все строго. По полочкам. Отчет начальнику в частную контору. Как. Зачем. Почему.

Вадим Зарубин – гениальный маньяк двадцать первого века, человек, возомнивший себя Богом.

Так его называли в новостях. Так его называли посмертно.

□□□□□□□□□□□□